

УДК 81.1:81.23:81.362

СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В КЫРГЫЗСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Черикбаева Н.Б.

Кыргызский Национальный университет им. Ж.Баласагына, Бишкек, e-mail: nargo_st@mail.ru

Статья посвящена к комплексному изучению особенностей эвфемии. Автор приходит к выводу, что подразумеваемое неудобнопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд «прямых» наименований; сила воздействия слова в цивилизованном обществе по-прежнему огромна.

Ключевые слова: коммуникация, нейтрализовать, табу, оксюморон, магическая функция, реципиент

PROPER LINGUISTIC, SOCIOLINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC PECULIARITIES OF EUPHEMISMS IN KYRGYZ AND ENGLISH LANGUAGES

Cherikbaeva N.B.

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, e-mail: nargo_st@mail.ru

The Article is dedicated to complex study of the particularities of euphemisms. The Author comes to conclusion that implied unpronounceable expression passes out of use, euphemism loses its own «ennobling» characteristic, as it changes into category of «direct» denomination; euphemistic expressions remain a helpful tool in the process of changing people's attitudes, which is successful.

Keywords: communication, neutralize, taboo, oxymoron, magical function, recipient

Эвфемия представляет собой комплексный социолингвистический феномен ввиду того, что само появление и функционирование эвфемизмов в речи обусловлено факторами как социолингвистическими, так и психолингвистическими. С точки зрения А.М.Кацева, «эвфемия должна рассматриваться как «сложное многогранное языковое явление, которое имеет три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический» [4, с. 4].

В собственно лингвистических особенностях эвфемизмов, А.М. Кацев выделяет два признака. Первый признак – это обозначение негативного денотата, т.е. предмета или явления, отмеченного негативным к нему отношением, вследствие чего прямое наименование этого предмета или явления табуируется в определенный языковой период. Второй признак – косвенность номинации улучшенного характера. «Для того чтобы стать эвфемизмом, новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат [4, с. 5]. В качестве эвфемизма можно привести пример, когда словом «кызуу» заменено слово «мас» что, во-первых, соотносится с негативным денотатом (пьянство вызывает в обществе негативное отношение), во-вторых, отличается косвенностью наименования мелиоративного (улучшенного) характера (ассоциата «кызуу» позитивнее денотата «мас»)).

Эвфемизм утрачивает способность выполнять свое назначение, т.е. ослаблять, нейтрализовать реакцию на слово в случаях, когда ассоциативные связи между новым эвфемистическим наименованием и денотатом становятся устойчивыми слишком прочными в сознании носителей языка. Большая часть эвфемизмов вследствие многократного употребления постепенно превращается в свою противоположность – слова – табу. Например: *көр* → *мурзө* → *көрүстөн* → *жай* → *бейит* → *мазар*. Вследствие чего эвфемизмы, являясь очень подвижной частью лексического состава языка, быстро устаревают. «Эвфемизмы недолговечны, – писал по этому поводу Б.А. Ларин. – Существенным условием действительности эвфемизма является наличие «грубого», «недопустимого» эквивалента. Как только это подразумеваемое неудобнопроизносимое выражение выходит из употребления, эвфемизм теряет свои «облагораживающие» свойства, так как переходит в разряд «прямых» наименований, и тогда требует новой подмены» [6, с. 120].

Процесс превращения эвфемизмов в слова – табу можно ярко проиллюстрировать на примере эвфемистического ряда со значением «жубай» (супруг): *жубай* (супруг) → *аял* (жена) → *катын* (баба).

Так в Америке в XX веке за сравнительно небольшой исторический промежуток времени было создано большое количество эвфемизмов к словосочетанию *econotic*

crisis (экономический кризис), которое сначала было вытеснено эвфемизмом *slump* (падение), затем *slump* было заменено на *depression* (депрессия). Вскоре *depression* превратилось в слово-табу, и вместо него стали использовать новый эвфемизм – *recession* (отступление), которому вскоре на смену пришло слово *downturn* (поворот вниз) [4, с. 65]. Следует добавить, что в настоящее время *downturn* уже перестало выполнять эвфемистическую функцию. Во время экономического спада в начале девяностых годов в газетах функционировал эвфемизм «*the R-word*» (сокращение от *recession*). Последним на данный момент эвфемизмом в этом длинном ряду является оксюморонное выражение «*period of negative economic growth*» (период отрицательного экономического роста), где положительная коннотация создается за счет лексем «рост».

Социолингвистическая особенность эвфемизмов. Одной из задач социолингвистики является анализ использования языка в коммуникативных целях. Особый интерес для ученых представляет «изучение речевого поведения как процесса выбора варианта для построения социального корректного высказывания» [9, с. 148]. В этом случае для социолингвиста важно выявить сам механизм отбора социально значимых вариантов и установить критерии, лежащие в основе выбора, т.е. определить те социальные факторы, которые заставляют предпочитать один вариант другому.

К социальным детерминантам речевого поведения, по А.Д. Швейцеру и Л.Б. Никольскому, относятся социальный статус коммуникантов, «сцена» речевого акта, цель коммуникации, выбор способа передачи речи, нормы социального воздействия, тип речевого произведения [Там же, с. 154–162]. Естественно, появление в речи эвфемизмов обуславливается такими фактами, как социальный статус коммуникантов, официальная обстановка речевого акта, правила и нормы социального взаимодействия. Поэтому речь дипломатов и тексты дипломатических документов полны эвфемистических намеков и недосказанностей. И наоборот, чем раскованнее чувствуют себя люди в общении друг с другом, тем меньше они испытывают необходимости в эвфемизмах.

Исследования в этой области показали, что для возникновения эвфемизмов наиболее важным детерминантом речевого поведения является цель коммуникации, которые обуславливают эвфемизацию речи:

1. Основная цель, которая преследуется говорящими при использовании эвфемиз-

мов в социальных и межличностных отношениях, – стремление «избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта» [5, с. 391]. Иначе говоря, используемые эвфемизмы продиктованы чувством деликатности или, выражаясь языком современных терминов, политической корректности.

В эвфемизмах этого рода в более вежливой форме – по сравнению с иными способами номинации – называют объект, действие, свойство. Например, в специальной педагогике вместо слова *инвалид* используется эвфемизм *ден-соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген адам* (лицо с ограниченными возможностями). Вместо *retarded children* (отстающие дети) в современных английских школах функционирует выражение *children with learning difficulties* (дети, испытывающие трудности при обучении).

2. Более специфичной – в социальном смысле – является другая цель эвфемизации: вуалирование, камуфляж существа дела.

К примеру, тенденция к использованию «камуфлирующих» выражений «война» или «военные действия» наблюдалось при официальном освещении событий на юге страны в апреле и в июне 2010 года: «*Биринчиси, 2010-жылдын 7-апрели болсо, экинчиси июнь айында болуп өткөн түштүктөгү кыргыз-өзбек бир тууган элдеринин ортосуна от жаккан сепаратисттердин айынан болгон каргашалуу коогалаң*» [1, с. 6].

События в Иране: «*Ооганстандын күндөлүк «Анис» гезтинин жазганына караганда, Иран Ирактан Ооганстанга Пакистандын уруулар турган аймагы аркылуу өтүп жаткан согушкерлер үчүн транзиттик жолго айланганы жакындагы контртеррористтик операция учурунда анык болгон*» [10].

3. Третья цель, преследуемая коммуникаторами при употреблении эвфемизмов, заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему. «Разумеется, такого рода зашифрованность относительна, и очень скоро она становится мнимой, если подобные сообщения содержатся не в частной переписке, а публикуются и тем самым делаются доступными для интерпретации каждому читающему или слушающему» [5, с. 396]. В качестве примеров можно привести объявления, связанные с обменом жилья («*Бир бөлмөлүү батиримди эң жакшы келишим менен эки бөлмөлүүгө алмаштырам*»), а также объявления, касающиеся отношений между мужчинами и женщинами («*Жаш келишимдүү бийкеч спонсор издейт*»).

Последняя цель эвфемизации представляется нам факультативной, дополнительной к двум основным целям, в связи с ограниченностью сферы ее использования и относительностью такого рода «зашифрованности».

Психолингвистическая особенность эвфемизмов напрямую связана с так называемой магической функцией языка. Перечисляя функции языка и речи, лингвисты не всегда выделяют эту функцию. А.А. Леонов считает ее «крайне несущественной для обществ европейского типа» [7, с. 37]. С этим утверждением можно согласиться в том случае, если понимать магическую функцию буквально, имея в виду волшебство, приписываемое слову первобытным сознанием, «неконвенциональную трактовку языкового знака» [8, с. 25]. Человеку цивилизованного мира не свойственно овещать слово. Однако существуют и прямо противоположные точки зрения на значимость магической функции языка в общей системе языковых функций. Э. Кассирер считает, что с появлением и расцветом политических мифов, функции языка изменились: «Если мы изучим наши современные политические мифы и методы их использования, то, к нашему удивлению, обнаружим в них не только переоценку всех наших этических ценностей, но также трансформации человеческой речи. Магическая функция слова явно доминирует над семантической функцией» [3, с. 62].

Сила воздействия слова поистине огромна во все времена и у всех народов. В устном народном творчестве широко известны примеры весьма активных проявлений магических функций слова в виде речевых клише, происхождение которых малопонятно современному человеку, а употребление зачастую совершенно несходно с первоначальным смыслом. Например, эвфемизмы «өтөгөн» (медведь), «ит-куш» (волк) восходит к древнему охотничьему запрету произносить слово «аяу» и «карышкыр», так как упоминание этих слов могло отпугнуть зверей, и тогда охота окончилась бы неудачей.

Весьма известное выражение ««тфү, тфү көз тийбесин»» первоначально использовалось, да и сейчас часто применяется суеверными людьми как некий оберег от последствий ранее произнесенной фразы, содержание которой включает положительную оценку какого-либо факта или явления («Кандай сонун мойпойгон бала!», «Жаштар уруштай – талаштай, ушундай сонун жашап жатышат») или отрицание неприятного для говорящего состояния («Мен такыр сокур ичеги болгон жокмун»). У человека появляется опасение, что некая

сверхъестественная сила подслушает его и поступит наперекор сказанному, причинив вред субъекту высказывания. Веру в магию слова можно проиллюстрировать также сходными по смыслу фразами, существующими в разных языках: лат. *lupus in fabula* (досл. волк в басне = рус. легок на помине) англ. *talk of the devil and he is sure to appear* (упомяни о дьяволе, и он обязательно появится), кырг. *оозуңа карап сүйлө, адамдын оозунда болсо, алданын кулагында ж.б.*

Но и в современные дни слово действует на человека так же сильно, как и в древности. Так, к примеру, в медицине известны случаи, когда люди, узнав истинное название своей болезни (рак, СПИД), умирали через несколько дней, хотя даже по самым пессимистическим прогнозам они могли бы прожить еще несколько лет. Следовательно, не всегда физическое состояние человека являлось причиной смерти, подобным образом на них воздействовало слово, обозначающее болезнь и вызывающее ассоциации с болью, страданиями и, наконец, с неизбежной смертью. Слово, а не болезнь убивало человека.

Эвфемистические номинации активно функционируют в речи врачей: «*Оорулуңун абалы өтө кыйын. Болгон аракетибизди жумшаган менен үмүт жок*» (а значило: как бы не умер на столе).

С другой стороны, слово может способствовать исцелению. Врач – терапевт с 45 летним стажем Сыдыкова Зарыл Усеновна в своём интервью Ысык-Көл ТВ говорит, что у кыргызского народа есть поговорка «Жакшы сөз жан эргитет, жаман сөз жан кейитет». Если больному человеку говорить позитивные слова: «как выглядите хорошо, идете на поправку», то действительно человек почувствует себя хорошо, и у него повысятся шансы на выздоровление. После обхода доброжелательного врача у пациентов нормализовался пульс, восстанавливалось дыхание, улучшалось общее состояние организма [2].

Таким образом, сила воздействия слова в цивилизованном обществе по-прежнему огромна, и в начале 20-го века этот феномен получил научное объяснение. Теория русского физиолога И.П. Павлова о слове как о второй сигнальной системе делает возможным истолкование «магии» слова с точки зрения науки. Суть этой теории заключается в том, что «слово обладает эффектом эмоционального стимулятора, ибо действует на нашу нервную систему аналогично предмету или явлению, им представляемому. Что прочее ассоциации между именем и предметом в мозгу человека, тем сильнее воздействие слова [4, с. 8].

В свете современных представлений о второй сигнальной системе были исследованы механизмы влияния слова на организм человека. С помощью специальных чувствительных приборов стало возможным изучить физиологические процессы, протекающие в теле человека под воздействием словесного раздражителя. Так, общеизвестно, что при ярком свете зрачки сужаются, а в темноте расширяются. Но если загипнотизированному при обычном освещении словесно внушить, что он находится в полной темноте, то зрачки расширяются (Там же, с. 9). Воздействие словесного раздражителя на нервную систему оказывается сильнее, чем восприятие органами чувств объективной реальности.

Создавая какое-либо сообщение, коммуникатор сознательно или подсознательно догадывается о возможном воздействии того или иного слова на психику реципиента и, если это воздействие может вызывать отрицательные эмоции, а коммуникатор в этом не заинтересован, то он предпочитает заменить его более нейтральным, более уместным в данной ситуации эвфемистическим обозначением. Таким образом, психолингвистический аспект состоит в воздействии слова на нервную систему человека как эмоционального стимулятора.

Как видно из приведенных примеров, эвфемистический словарь чрезвычайно под-

вижен. Он непрерывно изменяется, утрачивая некоторые элементы и приобретая им на смену новые. «То, что представлялось удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены» [6, 387].

Список литературы

1. Абдураимов Б. Ош окуясына Отунбаева кунөөлүүбү? / Супер инфо. – 2011. – № 429. – С. 9.
2. Асылзат. Ысык-Көл ТВ [Видеозапись] / реж. Муканова К. – Каракол, 2014.
3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов: Вестник МГУ. – Серия 7. Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–68.
4. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 80 с.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи: Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Языки русской культуры. – 2000. – С. 384–406.
6. Ларин Б.А. Об эвфемизмах: Ученые записи ЛГУ. – 1961. – Вып. 60, № 301. – С. 110–124.
7. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1996. – 214 с.
8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
9. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.
10. Эшматов У.А. Азаттык Үналгысы. [Электронный ресурс]: Иран согушкерлер үчүн «тунелби»? URL: <http://www.azattyk.mobi/a/1288171.html> (дата обращения: 22.01.2016).